

УДК 31.314.06

Элеонора ЕРМОЛЬЕВА

МОЛОДЁЖЬ ЕВРОПЫ: ПОКОЛЕНИЕ, ПОТЕРЯННОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО?

Аннотация. Статья ставит цель показать, в какой сложной ситуации в результате затяжного экономического кризиса оказалась значительная часть европейской молодёжи. Опираясь на подробные статистические материалы, автор проводит межстрановой анализ, уделяя особое внимание странам Южной Европы, где молодёжная проблема приобрела особую остроту. Наряду с сохранением высокого уровня безработицы, в таких государствах, как Греция, Италия, Испания, увеличивается доля поколения “Ни-ни”, т.е. молодых людей, которые не работают и не учатся. Автором рассматриваются главные направления общеевропейской молодёжной политики, где в число приоритетов включена государственная помощь неблагополучной молодёжи. С учётом важности этой темы для российской действительности, даётся оценка результатов данного направления европейской социальной политики. Показаны трудности, с которыми сталкиваются страны (например, Испания) при решении молодёжной проблемы. Автор приходит к выводу, что ЕС предстоит приложить ещё немало усилий с тем, чтобы молодёжь Европы перестала носить ярлык “потерянное поколение”.

Ключевые слова: последствия кризиса на рынке труда, молодёжная безработица, поколение “Ни-ни” (NEET generation), Европейская молодёжная политика.

Долгое время подробных аналитических работ о поколении молодёжи, которая не работает и не учится (английское сокращение NEET – *Young people not in employment, education or training*, или Ni-ni, от испанского сокращения *Ni trabajan, Ni estudian*) * в Европе практически не было – лишь спорадические заметки, содержащие разрозненные (часто не очень достоверные) статистические данные. К числу первых содержательных исследований следует отнести работу под названием “*Молодёжь вне работы, учёбы и профобразования: основные характеристики, цена проблемы и ответные решения политиков Европы*”, выпущенную Европейским фондом по улучшению условий жизни и труда (Eurofund – *European Foundation for*

* Впервые определение NEET появилось в Великобритании, но довольно часто оно употребляется применительно к испанской реальности, поэтому в тексте используется версия Ni-ni.

the Improvement of Living and Working Conditions) [NEETs. Young people not in employment, education or training: characteristics, costs and policy response in Europe. Dublin, 2012].

В январе 2016 г. на конференции в Брюсселе, посвящённой общему положению в сфере занятости и социальным вопросам, был представлен доклад экспертов Европейской статистической службы (*Eurostat*) под названием “*Что значит сегодня быть молодым в Европе*” (*Being Young in Europe Today*). Он стал логичным продолжением публикаций европейских экспертов, а также работ аналитиков ОЭСР – см., например, книгу “*Молодёжь Ни-ни: последствия кризиса*” [OECD Working Paper. Carcillo S., Königs S. NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: challenges and policies, 2015, N 164]. В июле 2016. *Eurofound* представил свою новую работу, посвящённую поколению “Ni-ni” [Eurofound, 2016. Exploring the diversity of NEETs].

Безработица – проблема номер один

Авторы исследований подчёркивают, что численность проблемной молодёжи была немалой в Европе и до кризиса, однако сложная экономическая ситуация обострила негативную тенденцию, и растущая безработица стала главным фактором, обусловившим рост численности “потерянного поколения”. Максимального значения (начиная с 2007 г.) уровень безработицы среди молодёжи 15–24 лет, входящей в категорию *экономически активной*, в среднем по Евросоюзу достиг в 2013 году – 24%, при этом в Греции поднялся до 58%, в Испании – 55, Италии – 40, Португалии – 38%. По данным на летний период 2016 г., в среднем по ЕС (в составе 28 стран) этот показатель снизился до 18,8%, однако продолжал вдвое превышать средний уровень безработицы среди всего экономически активного населения (ЭАН) в возрасте 15–74 лет (8,6%).

При характеристике проблемы номер один, какой стала в Европе молодёжная безработица, следует дать некоторые пояснения. Так, аналитики *Eurostat* уточняют: “Например, показатель в 20% для еврозоны отнюдь не означает, что один из каждых пяти молодых людей – безработный. Такой вывод является общей ошибкой”, ведь значительная часть молодёжи в возрастной группе 15–24 года (по которой обычно приводятся сведения) объективно не вовлечена в рынок труда. К *экономически неактивным* относятся учащиеся старших классов средних школ, студенты колледжей и вузов, хотя из последних немалое число теперь совмещают учёбу с работой. Поэтому для более корректной интерпретации статистических данных специалисты пользуются не одним, а двумя индикаторами – *уровнем* молодёжной безработицы (*youth unemployment rate*) и *коэффициентом* незанятости (*youth unemployment ratio*). Первый показывает, какая доля молодёжи, уже вышедшей на рынок труда и ставшей *рабочей силой*, потеряла работу или ещё её не нашла. Второй индекс показывает, какая часть от *общей численности* молодых людей в возрасте 15–24, а более показательно – в возрасте 15–29 лет, зарегистрирована как *незанятая*. Чаще всего журналисты не делают различий, что формирует искажённую картину; об этом, например, пишет обозреватель *The Financial Times* Стивен Хилл в статье “Молодёжная занятость низка, но не так мала, как нам часто говорят” [Hill S., 2012]. Авторы доклада “*Что значит сегодня быть молодым в Европе*” считают, что коэффициент незанятости (*ratio*) более репрезентативен для учёта поколения Ni-ni, чем стандартно принятый индикатор (*rate*). Прослеживая динамику, они кон-

стиатируют межстрановые различия в формате “Северная – Центральная – Южная Европа”.

Многим молодым людям часто приходится довольствоваться временными заработками. Такая тенденция прослеживается почти везде в Европе. В общей численности наёмной рабочей силы молодёжь 15–29 лет, имеющая временные трудовые контракты, составляет, например, в Испании до ½, в Португалии – около 45%. [Eurofund 2016. Factors affecting...]. Немало молодых людей по той или иной причине работают неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Такая форма занятости широко распространена среди молодёжи скандинавских стран: в Швеции и Норвегии 40% юношей и девушек в возрасте 15–29 лет входят в категорию “частично занятых”. Для них эта форма трудовой деятельности “нередко служит способом сочетать учёбу с возможностью заработка”. Однако многочисленны примеры, когда частичная занятость вынуждена (*involuntary part-time employment*), а не добровольна. За период с 2007 по 2013 г. рекордный для ЕС скачок такой формы занятости характерен для Испании (рост на 34%), чуть более низкий (около 30%) – для Ирландии, Италии и Греции [Being Young in Europe Today, 2015:154, 156]. По данным на 2015, для ¾ молодых испанцев, работающих неполный рабочий день, такая форма занятости является вынужденной [Jóvenes y mercado de trabajo, 2016].

Таблица 1.

**Показатели распространения Ni-ni по некоторым странам Европы
(усреднённые данные за 2013–2014 гг.)**

СТРАНЫ	Доля Ni-ni (в %) среди населения в возрастной группе 15–29 лет, включая подгруппы 20–24 и 25–29 лет			Примерная численность Ni-ni (тыс. человек)*	Процент молодёжи, не закончившей среднюю школу (в возрастной группе 18–24 года)
	<i>ВСЕГО</i>	<i>20–24 лет</i>	<i>25–29 лет</i>		
В среднем по ЕС	15,4	18,0	20,4	-	11,1
Великобритания	13,4	16,5	16,2	2 011	19,3
Германия	8,7	9,5	12,6	1 380	9,6
Греция	26,7	28,4	39,5	490	8,3
Испания	20,7	24,8	26,7	1 913	20,3
Италия	26,2	31,0	33,8	2 340	14,6
Португалия	14,6	19,0	19,2	318	14,4
Финляндия	11,8	14,6	14,8	107	9,3
Швеция	7,8	9,8	9,0	203	6,6

Примечание: **оценка OECD на 2013 г. //OECD Working Paper, 2015. Carcillo S., Königs S. NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: challenges and policies, N 164.

Источники: Eurostat. Statistics on NEET – Young people neither in employment nor in education or training (2016); Eurostat. Early school leavers, 2016.

Безработица, временная занятость, т.е. нетрудоустроенность, в той или иной форме служит главным источником формирования поколения Ni-ni. На сегодня в ЕС около 14 млн человек (моложе 30 лет) отнесены статистическими службами к этой категории; самый низкий показатель зарегистрирован в Люксембурге – 6,5%, в

Дании чуть выше – 7,3, в Нидерландах – 7,6, в Швеции – 7,8. Наиболее катастрофическая ситуация наблюдается в Греции: Ni-ni составляли (и продолжают составлять) почти 27% в возрастной группе 15–29 лет, чуть более низкие показатели – в Италии (26%), Болгарии (24%), Испании (21%). В некоторых странах Европы прослойка разочаровавшихся, отчаявшихся молодых людей, не зарегистрированных социальными службами, довольно велика. Нередко именно их облик, образ жизни, манеры поведения формируют некий *типичный образ* молодого европейца, “отверженного обществом”. На юге Европы значительный прирост отмечен именно в кризисный период; например, в Италии доля “исключённой” молодёжи увеличилась с 18% (в 2007 г.) до 26% (в 2014 г.) [Eurostat 2016]. Характерно, что доля Ni-ni “растёт с возрастом”, что фиксирует *Eurostat*, разделяя показатели по двум подгруппам – 20–24 и 25–29 лет (см. табл. 1).

Создавая собирательный портрет европейского Ni-ni и исследуя обстоятельства, которые “питают” данный феномен, эксперты ОЭСР Стефани Карсильо и Себастьян Кёниг подсчитали, что среди молодых иммигрантов шансы попасть в потерянное поколение на 70% выше, чем среди коренных уроженцев данной страны. Тревожным симптомом, по их мнению, служит некоторое увеличение среди Ni-ni доли лиц с высшим образованием: такая тенденция проявилась с 2007 по 2013 гг. в Греции, Нидерландах, Польше, Великобритании. Однако преобладающей характеристикой проблемной молодёжи остаётся низкий уровень образования. Так, в Австрии и Германии среди неё до ½ составляют те, кто не закончил полной средней школы, в Исландии, Испании, Португалии их доля ещё выше – почти $\frac{2}{3}$ [OECD Working Paper, 2015:21].

Данные о численности недоучившихся подростков наряду с показателями по молодёжной занятости/незанятости отнесены Статистической службой Евросоюза к числу *ключевых индикаторов*, характеризующих социально-экономическую ситуацию в отдельно взятых странах и в Старой Европе в целом (и потому не случайно включены нами в таблицу 1). Последствия школьного отсева весьма негативны; малообразованные экс-учащиеся или пополняют армию безработных, или ряды неактивной молодёжи.

В среднем по ЕС школьный отсев составляет 11% – такая доля молодёжи в возрасте 18–24 года не закончила полный курс средней школы, в абсолютном выражении в 2014–2015 гг. это составляло 4 млн человек. Показатели, вдвое превышающие средний общеевропейский уровень, отмечены в Испании, на Мальте, в Румынии, Португалии.

В связи с тем, что похожая проблема не является чисто европейской, а свойственна школьной действительности в разных регионах мира, показательны исследования учёных – сотрудников Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки (ЭКЛА). По результатам социологических опросов им удалось выявить несколько главных причин, по которым молодёжь чаще всего бросает учёбу. Среди них на первом месте стоят экономические мотивы – поиск заработка, на втором – работа по найму, а на третьем – отсутствие интереса к продолжению учёбы [SERPAL, *Pañoama social*, 2014]. Потерю интереса к учёбе в каждом индивидуальном случае аналитики ЭКЛА объясняют разными причинами. Однако чаще всего подростки теряют веру в ценность образования, поскольку на примере своих старших товарищей видят, что оно часто не помогает им в жизни. Эти выводы латиноамериканских специалистов во многом правомерны для нынешней действительности.

сти многих европейских стран, что подтверждается социологическими исследованиями.

Согласно данным опроса, проведённого службой *Eurobarometer* в 2014 г., на вопрос, “насколько хорошо система обучения у вас в стране адаптирована к запросам сферы занятости”, лишь 42% молодых европейцев в возрасте 16–30 лет ответили положительно, а в Испании негативный ответ дали 74% опрошенных, в Италии – 62% [Flash Eurobarometer, European Youth – 2014]. Такие результаты совпадают с мнением европейских предпринимателей, которые всё чаще предъявляют претензии к качеству образования в своих странах. Представители европейского бизнес-сообщества регулярно принимают участие в опросах, которые проводят специалисты, работающие над ежегодными докладами для Всемирного экономического форума (ВЭФ). В мониторинге среди прочих вопросов стоит и такой: “Насколько эффективно образование в вашей стране отвечает запросам конкурентной экономики?”. Согласно результатам на начало 2016 г., самый высокий балл – 6,1 из 7 возможных – дали представители Швейцарии, 5,4 балла – Германии и Норвегии, 4,3 – Австрии. Гораздо большую неудовлетворённость работой своих школьных систем выразили предприниматели из Италии (3,7 балла) и Испании (3,4). [The Global Competitiveness Report, 2015–2016].

При том что европейский рынок труда регулярно пополняется рабочей силой разного уровня образования¹, значительное число работодателей сетуют на недостаток кадров, которые бы их устраивали по уровню подготовки и личностным качествам. Уже на стадии собеседования часто обнаруживается, что претенденты слабо обеспечены тем багажом знаний и уровнем профподготовки, которые необходимы в современной конкурентной среде. Несоответствие имеющихся у молодых соискателей трудовых навыков (*skills*) запросам работодателей приводит к несовпадению между спросом и предложением на качественно подготовленную рабочую силу: в английской версии это получило наименование *skills mismatch*.

Измерением профессиональной пригодности экономически активного населения 16–65 лет в разных странах занимаются различные международные учреждения и независимые агентства по мониторингу трудовых ресурсов. К числу масштабных обследований относится, например, Программа международной оценки компетенций взрослых (*The Programme for the International Assessment for Adult Competencies – PIAAC*), организуемая ОЭСР. Её недавние результаты показали, что в Европе около 20% ЭАН недостаточно грамотно, слабо обеспечено базовыми компетенциями в математике и навыками по работе с информационно-компьютерными технологиями (*digital skills*). Только в нескольких государствах – в Дании, Финляндии, Нидерландах и Швеции – значительна доля лиц с хорошей образовательной базой. Обобщая, можно считать, что “до 40% взрослых европейцев недостаточно приспособлены для труда в технологически насыщенной среде”, – к такому неутешительному заключению пришли аналитики Еврокомиссии [Comisión Europea. El Estudio Prospectivo Anual sobre el Crecimiento para 2016].

Феномен дефицита профессиональных умений (*skills mismatch*) имеет прямое отношение к проблеме *потерянного поколения*: не обладая необходимым стартовым капиталом знаний и навыков, которые требуются для достойного трудоустрой-

¹ В 2014 г. на рынке труда Европы насчитывалось на 6 млн больше, чем в 2011 г., выпускников разного рода учебных заведений.// ЕС. Employment and Social Developments in Europe, 2015, p. 233.

ства, многие молодые европейцы остаются вне сферы занятости. И, по мнению немецкого экономиста Эккехарда Эрнста из Международной организации труда (МОТ), “хуже всего, когда молодёжь опускает руки и полностью устраняется от активной рабочей жизни”. [*Generation Lost. Jugendarbeitslosigkeit in Europe*, 2013].

Однако, по мнению блогеров из проекта *FutureLab Europe*, проблемы с поиском работы не всегда связаны с недостаточной квалификацией у молодых соискателей вакансий. “Греческая и испанская молодёжь подвергается угрозе социальной изолированности не только из-за того, что она недостаточно прилежно училась в школе или уровень её образования низок”, – считает англичанка Джулиана Сарнес; молодые греки и испанцы остаются без работы главным образом “из-за невероятного дефицита рабочих мест, характерного для всей южной Европы” [*Young European’s perspectives on the crisis*, 2013]. Кроме того, из-за насыщенности рынка труда более конкурентоспособными категориями взрослой рабочей силы, обладающей необходимой квалификацией и накопленным профессиональным опытом, молодые люди оказываются на рынке труда довольно уязвимой группой.

Исследуя проблему “лишнего молодого поколения”, приходится признать, что за сухой и абстрактной (для восприятия) статистикой скрывается личная драма тех, кто попадает в эту категорию. Однако есть и другие последствия: прежде всего происходит недоиспользование заложенного в молодёжи экономического потенциала. “Из-за того что молодые трудовые ресурсы не используются продуктивным образом, – подчёркивают эксперты ОЭСР в докладе, посвящённом молодёжной занятости, – начиная с 2008/2009 г. ЕС несёт финансовые потери, которые Еврофонд оценивает от 100 до 150 миллиардов евро в год, что составляет не менее 1,2–1,5% коммунитарного ВВП. [*OECD Skills Outlook*, 2015]. “153 млрд евро – это цифра, учитывающая гипотетическую ситуацию, при которой все молодые люди могли быть интегрированы на рынке труда”, – объясняет один из авторов доклада о поколении Ni-Ni [NEETs. Characteristics, costs and ..., 2012] Массимилиано Машерини. Такие страны, как Болгария, Греция, Италия теряют ежегодно до 2% национального дохода. А ведь именно молодые рабочие руки должны быть активом, а не пассивом для экономики.

О попытках ЕС решить молодёжные проблемы

Распространение молодёжи, находящейся не у дел, имеет не только макроэкономические, но и иные последствия. Часто именно за счёт неё растёт уличная преступность, наркомания и другие социальные болезни. В упоминавшихся докладах затрагивается тема морального и физического здоровья поколения Ni-ni. По некоторым подсчётам, среди этих групп молодёжи в шесть раз больше вероятность проблем со здоровьем по сравнению с более благополучными сверстниками; такие сведения получены, в частности, на примере Германии, Нидерландов и Норвегии.

Нельзя не сказать и о таком явлении, как употребление наркотиков среди европейской молодёжи разных возрастов, социальных слоёв и групп риска, к которым часто относят Ni-ni. Согласно докладу за 2015 г., составленному Европейским центром мониторинга по наркотикам и наркотической зависимости (*European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction*), в Европе около 14 млн человек в возрасте 15–34 года (или 12% от этого числа) употребляли наркотики в год, предшествовавший опросу; если взять группу 15–24 года, то доля ещё выше (15%). [*European Drug*

Report, 2015]. Европейская стратегия по борьбе с распространением наркотиков и их употреблением включает особые меры, рассчитанные на молодёжь.

Власти ЕС в полной мере осознают опасность ситуации, складывающейся в молодёжной среде: когда немалая часть европейского населения не трудоустроена и деморализована, это чревато возможными нарушениями социально-политической стабильности. Представитель ОЭСР Стефано Скарпетта в одном интервью выражал опасение, что политическое разочарование молодого поколения в Европе в какой-то момент может достичь того же накала, что и в государствах Магриба в 2011 г., когда одним из драйверов “арабской весны” стал протест недовольных молодых людей [*Europe lost generation*, Malik S., 2012].

Тема «Молодежь» обозначена как приоритетное направление в рамках Европейского семестра-2016 и на последующие годы, поскольку уровень молодёжной безработицы, несмотря на некоторое сокращение, остаётся высоким, равно как вызывает беспокойство и значительный процент Ni-ni. Серьёзной корректировке в условиях сложного кризисного контекста подверглась принятая в 2009 г. программа “Молодёжь: инвестирование и поддержка” (EU Strategy for Youth – Investing and Empowering). На смену ей пришли два взаимосвязанных коммунитарных проекта – “Европейская гарантия для молодёжи” (Youth Guarantee) и “Европейская инициатива по занятости” (Youth Employment Initiative – YEI); последняя рассчитана как раз на Ni-ni.

Программа “Гарантии” предусматривает, что каждый человек моложе 25 лет в течение четырёх месяцев после потери работы “должен иметь возможность для нового трудоустройства, или для участия в программах ученичества, или для дальнейшего профобразования” [Youth employment: overview of EU measures: 2014]. На “Гарантии для молодёжи” планируется выделять (на период до 2020 г.) ежегодно около 10 млрд евро из бюджета Европейского социального фонда (*Eurofund*), а также из средств других структурных и инвестиционных фондов ЕС. Страны, где уровень молодёжной безработицы превышает 25%, пользуются дополнительной финансовой поддержкой в рамках подпроекта *YEI*, охватывающего неработающую и неучащую молодёжь в возрасте до 29–30 лет. Так, в 2014–2015 гг. особые дотации по этой линии получили Испания (943 млн евро), Италия (567 млн), Франция (310), Португалия (161 млн евро) [Youth Employment Initiative. Country fiches, 2015].

Формулируя очередные задачи в рамках европейской инициативы для молодёжи (*YEI*), даже непосредственные участники осознают их сложность. Ещё в 2013 г. на саммите в Берлине, посвящённом молодёжному вопросу, канцлер ФРГ Ангела Меркель высказала убеждение, что “одних только денег недостаточно, необходимо структурное реформирование рынка труда в целом ряде государств Евросоюза” [Bundeskanzlerin Merkel im Europa-Interview, 2013]. Глава Европейского инвестиционного банка (*EIB Group*) Вернер Хойер признал, что “надо быть честными перед самими собой в том, что быстрого решения по устранению проблемы пока нет...” [Hoyer W. Maximising our youth employment... , 2013].

Особенно настораживающий момент - пессимизм значительных групп самой европейской молодёжи. Результаты опроса, проведённого службой *Eurobarometer* в апреле 2015 г., показали, что почти 1/3 молодых людей 25–30 лет не верит в возможность получить контракт на стабильную работу. Другое исследование выявило ещё более впечатляющий факт: среди лиц 21–25 лет лишь 17% имеют представление о “Европейской гарантии для молодёжи” и национальных проектах в этой области

[Flash Eurobarometer, 2014]. Такие же результаты могут быть получены, если у декларируемых “сверху” программ нет реального осуществления “снизу”, даже на уровне национальных планов?

Диссонансом официальным заявлениям комиссаров Евросоюза, утверждающих, что проблема молодёжной занятости в Европе “постепенно теряет прежнюю остроту”, звучат прогнозы некоторых международных центров. Так, согласно прогнозу МОТ, в 2017 г. безработица среди молодёжи в Испании может сохраниться на уровне 53%, в Италии – 43, в Португалии – 35% [ILO 2015].

Обострение молодёжной проблемы прогнозируют и за пределами Европы (см. табл. 2). Всё большее внимание аналитики уделяют проблемному поколению. По оценке Всемирного банка (2010 г.), в мире до 260 млн человек в возрасте 15–24 лет следует отнести к тем, кто не учится и не работает. При среднемировом индексе 22,4% для данной возрастной группы колебания по географическим регионам весьма существенны: от 32% в Северной Африке и Ближнем Востоке до 15% – в Азиатско-Тихоокеанском бассейне. Значительный процент Ni-ni сигнализирует о слабой потенциальной отдаче от человеческого капитала (что отрицательно сказывается на перспективах экономического роста), а нарастание социальной исключённости молодёжи создаёт базу для сохранения бедности по всему общественному полю.

Таблица 2.

Прогнозные оценки по уровню безработицы (в %) среди экономически активной молодёжи 15–24 лет (по некоторым регионам мира, 2017–2019)

	2017	2018	2019
В среднем по миру	13,1	13,2	13,2
Развитые экономики и страны Евросоюза	15,4	15,2	15,1
Страны Центральной и Юго-Восточной Европы (не входящие в ЕС)	18,0	18,1	18,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	13,8	13,8	13,8

Источник: ILO. Global Employment Trends for Youth, 2015.

Немного о теории поколений (на примере европейской молодёжи)

Возвращаясь к европейской действительности, следует подчеркнуть, что поколение Ni-ni – всё же не главная визитная карточка современной молодёжи. Да, это значительный её слой, но немало молодых людей стремятся завершить учёбу в школе и вузе, преодолеть барьеры на рынке труда, добиться успеха в карьере, подняться по социальной лестнице. Примечательно мнение доктора Хольгера Шеффера из Института немецкой экономики (IW). Соглашаясь с мнением экспертов, что нынешнюю молодёжь в Европе ожидает немало тяжёлых в экономическом плане

лет, он всё же не расценивает её как *потерянное поколение* [*Generation Lost. Jugendarbeitslosigkeit in Europe*, 2013].

Рассматривая проблему Ni-ni масштабно, надо учитывать, что эта часть европейской молодёжи относится к возрастной группе, которая стала именоваться поколением “игреков” (Y generation): их годы рождения – начало 1980-х до середины 1990-х годов; теперь многие авторы продлевают срок до 2000 года. Что характерно для “игреков”? То, что не все они уходят в социальную самоизоляцию, не все принадлежат к “поколению безнадёжности”.

Термин “поколение Y” ввели в научный оборот американцы Нейли Хоув и Уильям Штраус [Strauss W., Howe N. 2000]. Когда-то предыдущее поколение (1965–1979 гг. рождения) получило условное наименование “поколение X”, и логичным было назвать следующее – “поколением Y”.

Нынешняя молодёжь не знает мир без Интернета, и потому поколение Y ещё часто называют “сетевым поколением”. Значительная часть “игреков” имеет высшее образование, но они не всегда становятся “белыми воротничками”, находя своё место в разных сферах бизнеса, производства, государственной службы. Многие представители «поколения Y» знают иностранные языки, мобильны, способны к быстрой адаптации. Эту особенность современной молодёжи учитывают идеологи Стратегии “Европа 2020”, где в числе приоритетов стоят программы мобильности для молодых профессионалов “для улучшения ситуации в сфере занятости” [Europe 2020. Flagship initiatives, 2010]. Ставка на активную трудовую миграцию молодёжи на общеевропейском рынке труда делается и для сокращения сложившегося дисбаланса, когда на юге Европы образовался переизбыток рабочей силы (в том числе достаточно квалифицированной), в то время как на севере имеется её дефицит в связи со старением населения. “В этой ситуации рабочая миграция поможет сократить образовавшуюся брешь”, – считает руководство ЕС [Youth employment: overview of EU measures, 2014].

Отличительной чертой “игреков” в ряде европейских стран является “европеизм”: они высоко ценят возможность свободного передвижения в ЕС для учёбы или работы, а также больше верят в способность наднациональных органов решать кризисные проблемы. Таковы основные результаты онлайн опроса, проведённого молодёжным центром *ThinkYoung* со штаб-квартирой в Брюсселе по 28 государствам ЕС. Однако есть и межстрановые различия; так, в число самых насущных проблем, касающихся молодёжи, создание новых рабочих мест на первое место поставили 80% молодых греков, $\frac{3}{4}$ – испанцев и итальянцев, $\frac{1}{2}$ – англичан [Erasmus Generation Survey, 2015].

Не менее показательны итоги другого международного исследования, нацеленного на выявление некоторых жизненных приоритетов «поколения Y» (“детей Миллениума”, как их нередко называют). Опрос проводила международная социологическая маркетинговая компания *Nielsen* (со штаб-квартирой в Нью-Йорке) весной 2015 г. Среди молодёжи 1980–2000 годов рождения было проведено 7732 интервью в двух группах респондентов старше 18 лет: среди “лидеров мнений”, интересующихся бизнесом и экономикой, и среди “будущих талантов” – студентов старших курсов и выпускников вузов с небольшим опытом работы. “Это молодые люди, чьи суждения могут быть использованы в качестве экспертных”, – считают в компании *Nielsen*. Кроме России, в опросе участвовали представители шестнадцати других стран, в т.ч. США, Канады, Мексики, Франции, Италии, Китая и др. [The

Nielsen Global Reputation Study, 2015]. Некоторые предпочтения молодых россиян – “миллениалов” – разнятся с устремлениями их сверстников в других странах. Так, 91% опрошенных в России при выборе работодателя в первую очередь обращает внимание на возможности для карьерного роста.

Это самый высокий показатель в мире; в других странах подавляющее число представителей этого поколения в первую очередь задумывается о том, чтобы условия труда были комфортными, а работа – интересной. В России только 31% опрошенных заявил о важности неоднобразной работы. Если за рубежом в среднем 2/3 “лидеров мнений” хотят работать в IT-компаниях, то в России об этом мечтают лишь 30%. На фоне зарубежной молодёжи россияне оказались самыми патриотичными в «поколении Y» – не более 1/2 выразили желание трудиться в международных компаниях; в других странах таких молодых людей гораздо больше: в Индии и Бразилии, например, около 70%. Наконец, среди представителей российской молодёжи больше доля тех, кто не готов переехать за границу ради работы: против переезда за рубеж высказался 21% российских “будущих талантов” и “лидеров мнений” (что выше показателя в 13% в целом по миру).

Что касается проблемы Ni-ni в России, то в отличие от исследований в Европе или других регионах мира она до сих пор находится в тени. Вместе с тем обращает на себя внимание доклад, составленный в 2015 г. Федеральным агентством по делам молодёжи Минобрнауки РФ, где проблема затрагивается. Так, на странице 33: “Труд остаётся значимым фактором личностного самоопределения большинства молодёжи”, и с ним она связывает свою нынешнюю и дальнейшую жизнь. “Одновременно с этим каждый четвёртый имеет иную, не связанную с трудом, ориентацию. Среди них каждый седьмой молодой человек не стал бы работать, если бы был материально обеспечен. Эта группа устойчиво воспроизводится на протяжении последнего десятилетия” [Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций, 2015: 33]. Что же означает эта цифра – “каждый седьмой молодой человек не стал бы работать..”? С учётом международной статистической методологии, это может означать, что в РФ доля Ni-ni в возрастной группе 15–29 лет составляет около 15% [NEET in the ETF partner countries, 2014].

Несколько более подробное исследование провела Елена Варшавская, профессор Высшей школы экономики. Она оценивает долю Ni-ni в возрастной группе 20–24 лет в России в 17%, что аналогично усредненному показателю по ЕС-28 (17,3%). По мнению эксперта, “дополнение российской статистики показателями, характеризующими NEET-молодёжь, позволит получить более точную и достоверную информацию об этой социальной группе, в частности, оценить, в какой мере возможно повышение уровня экономической активности молодёжи ..” [Варшавская Е.Я., 2015].

* * *

Предпринятый анализ позволяет сделать следующие выводы. В странах-членах ЕС открыто признают, что в результате экономического кризиса немалая часть молодых людей “выпадает из процесса адаптации” к жизни в современном мире. Отсюда осуществление специальных программ в отношении неблагополучной молодёжи [Молодёжная политика: европейский опыт, 2005: 34]. Более того, на ближайшую перспективу “ЕС рассматривает решение молодежных проблем в качестве основы своей стратегической повестки дня” [Социальное развитие Европы: проблемы

и перспективы. 2016:28]. Одновременно опыт Евросоюза примечателен тем вниманием, которое уделяется молодёжной проблематике, ростом числа аналитических материалов, посвящённых поколению Ni-pi, стремлением вникнуть в суть явления, попытками приостановить драматическую тенденцию.

В некоторых публикациях (в частности, испанских авторов) содержится идея, что наличие поколения Ni-pi - один из наглядных признаков того кризиса, который переживает европейская модель социального государства. Попытки приостановить распространение “лишнего поколения” являются стремлением восстановить позитивный имидж региональной социальной модели.

Трудовая изолированность молодёжи – это не только человеческая драма в каждом конкретном случае, но и острая социальная ситуация, чреватая комплексом негативных последствий для общества. И эти обстоятельства заставляют задуматься о феномене “Ни-ни”, который имеет место и в России. Европейский опыт поучителен теми практическими усилиями (не только декларациями), направленными на то, чтобы молодёжь Старого Света перестала быть “поколением, потерянным для будущего”, а обрела достойный статус востребованного и эффективного трудового ресурса. Символичен лейтмотив предпринимаемых усилий: молодые люди являются возможностью для Европы – Европа должна стать возможностью для каждого из них.

Список литературы

Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы: (2014) Монография [Н.П. Шмелёв и др.]; под общ. ред. Ал. А. Громько и В.П. Фёдорова; М: Весь Мир; Ин-т Европы РАН. (Старый Свет – новые времена). 2014. 704 с.

Варшавская Е. Я. (2015). Молодёжь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России.// Demoskop weekly, N 663-664, 2015. URL: <http://www.demoscope.ru> (16–29.11.2015).

Молодёжная политика: европейский опыт (2005)./ Под ред. Ю.А. Борко. М:ДИЕ РАН, №163.

Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций (2015). Доклад. Федеральное агентство по делам молодёжи. URL:<http://www.ruy.ru>

Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы (2016). / Под. ред. М.В. Каргаловой М: Доклады Института Европы РАН, № 326.

References

Being Young in Europe Today (2015). Eurostat. URL <http://ec.europa.eu/eurostat>

Bundeskanzlerin Merkel im Europa-Interview: Mit Geld und klugen Reformen gegen Jugendarbeitslosigkeit URL://<http://EurActiv.de/03.07.2013>

Comisión Europea (2015). El Estudio Prospectivo Anual sobre el Crecimiento para 2016. URL: <http://ec.europa.eu>

Eurofund report (2012). NEETs. Young people not in employment, education or training: characteristics, costs and policy response in Europe. Dublin, 2012.

Eurofund (2016). Factors affecting employment and social development of young people. URL: <http://www.eurofound.europa.eu> 28/01/2016

Eurofund (2016). Exploring the diversity of NEETs. URL: <http://www.eurofound.europa.eu/exploring-the-diversity-of-neets>

European Drug Report (2015). URL:<http://www.emcdda.europa.eu> 04/06/2015

European Semester Thematic Fiche (2015). Early leavers from education and training . URL: <http://ec.europa.eu/europe2020>.

Eurostat (2016). Young people neither in employment nor in education or training. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> /03/08/2016.

Flash Eurobarometer “European Youth-2014”. URL:// <http://europa.eu/.../flash>, 28/04/2014

- Generation Lost*. Jugendarbeitslosigkeit in Europe: URL: <http://handelsblatt.com/28/02/2013>
- The Global Competitiveness Report 2015-2016. URL: <http://www3.weforum.org>
- Hill S. (2012): "Youth employment is bad but not as bad as we're told". URL: <http://www.ft.com/24/07/2012>
- ILO. Global Employment Trends for Youth, 2015.
- Jóvenes y mercado de trabajo (2016). Secretaría de Estado de Empleo. Informe. Junio, 2016. URL: <http://www.empleo.gob.es>
- NEET in the ETF partner countries (2014). URL: <http://etf.europa.eu>. March, 2014.
- The Nielsen Global Reputation Study (2015). URL: <http://www.rusbase.ru> 15/03/2015.
- OECD Skills Outlook (2015). Youth, Skills and Employability. Paris, 2015.
- OECD Working Paper. (2015). Carcillo S., Königs S. NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: challenges and policies, N 164.
- Strauss W., Howe N. (2000). Millennials Rising: The Next Great Generation. New York, 2000.
- Varshavskaja E. Ja. (2015). Molodezh', iskljuchennaja iz sfery zanjatosti i obrazovanija, v stranah ES i Rossii.// Demoskop weekly, N 663-664, 2015. URL: <http://www.demoscope.ru> (16-29.11.2015).
- Young European's perspectives on the crisis (2013). Europe's lost generation? URL: <http://futurelabeurope.eu>, April, 2013.
- Youth Employment Initiative. Country fiches (2015). URL: <http://europa.eu.social/main>

Lost generation? The plight of young people in Europe

Author: Ermolieva E.G. PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 21/16, Bolshaya Ordynka, Moscow, 115035. **E-mail:** ermolieva@gmail.com

Abstract. The article focuses on a difficult situation for a significant part of the European youth as a result of protracted economic crisis. Using extensive statistical data, the author carries out cross-country analysis, paying specific attention to the Southern European countries, where the problem of youth has become particularly acute. In addition to a persistent high unemployment rate in such countries as Greece, Italy and Spain, there is a growth in the share of so-called NEET generation, i.e. young people neither in employment nor in education or training. The author considers the main trends in the youth policy, which among other priorities includes the state aid to disadvantaged youth. The article shows the difficulties faced by some countries (e.g., Spain) in solving youth problems both because of lack of funding and low involvement of young people in national programs. The author concludes that the EU has to take more efforts to enable the younger generation in Europe to be no longer a "lost generation".

Keywords: crisis on the labor market, youth unemployment, NEET generation, the European youth policy.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520164146>
